

А. А. Лебедева

ОЧЕРК СОВРЕМЕННОЙ КУЛЬТУРЫ ПАПУАСОВ БЕРЕГА МАКЛАЯ (СОЦИУМ, ЭКОНОМИКА, ОБЪЕКТЫ КУЛЬТУРЫ, САМООПРЕДЕЛЕНИЕ)

АННОТАЦИЯ. В статье рассмотрены различные срезы культуры папуасов берега Маклая, впервые подробно описанной Н. Н. Миклухо-Маклаем в 1870–1880-х гг. Несмотря на то, что прошло почти сто пятьдесят лет, побережье до сегодняшнего дня остается заповедным уголком, практически лишенным коммуникаций и инфраструктуры. Экономическая основа и социальная модель культуры в общем виде сохраняют свои этноспецифические черты.

В то же время несомненно, что ряд культурных особенностей трансформировались или утрачены. Некоторые изменения носят не необратимый, а циклический характер: будучи искусственно деформирована в колониальный период, культура сейчас возвращается в свое русло. Отношение к колониальному прошлому во многом формирует и современную модель взаимодействия с окружающей реальностью, властью, «белыми» вообще. Автор делает попытку проанализировать причины всех этих процессов и понять место папуасов в современном мире, в том числе с точки зрения самих носителей культуры.

Отдельное внимание уделено сравнительной характеристике предметов ранней «маклаевской» коллекции МАЭ РАН № 168 и вещей, употребляемых папуасами сегодня.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: Берег Маклая, традиционная культура папуасов, музейные коллекции

УДК 39(954)

DOI 10.31250/2618-8619-2018-1-170-180

ЛЕБЕДЕВА АРИНА АЛЕКСАНДРОВНА — к.и.н., н.с. отдела этнографии Австралии, Океании и Индонезии, Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН (Россия, Санкт-Петербург)

E-mail: Sheremet@kunstkamera.ru

Побережье бухты Астролябия в северо-восточной части острова Новая Гвинея известно в отечественной науке как Берег Маклая: открывший это место и его население для западного мира Н. Н. Миклухо-Маклай дал берегу свое имя. Здесь в 1871–1872 и 1876–1877 гг., а также во время короткого пребывания в 1883 г. путешественник провел исследования, значимость которых сложно переоценить. В 1884 г. Германия захватила побережье, и дальнейшее накопление данных об

этом регионе происходило в рамках работы немецкой лютеранской миссии, силами немецких, а затем и других зарубежных исследователей. Наши соотечественники-этнографы вернутся сюда через сто лет: советские комплексные экспедиции 1971 и 1977 гг. получили достаточно широкий резонанс. Относительно недавно, в 2010 г., состоялся выезд в регион сотрудников кафедры этнографии МГУ.

В сентябре 2017 г. на Берег Маклая состоялась экспедиция, в составе которой работал и автор данной публикации.¹ Этнографическая часть экспедиции провела в деревне Горенду немногим больше, чем предшественники, всего шесть дней; собранный материал, тем не менее, предоставляет возможности для сопоставления и обладает самостоятельной ценностью.

Ныне побережье Рай относится к округу Маданг с административным центром в одноименном городе. Наиболее быстрый и легкий путь от Маданга — водой; на моторной лодке он занимает около часа. Вдоль берега через лес пролегает грунтовая дорога, но автобус, увозящий людей в Маданг, за неделю приехал только один раз, а в период дождей пользоваться этим путем невозможно.

На побережье расположено четыре населенных пункта: с запада на восток это деревни Бонгу, Горенду, Гарагаси и Гумбу. Это те же самые названия, которые мы находим у Н. Н. Миклухо-Маклая. Тогда название Гарагаси относилось не к населенному пункту, а к мысу, где стояла в первый приезд хижина путешественника. Сейчас там располагается мемориал в его честь, а чуть глубже, в лесу, стоят несколько хижин; фактически местечко является частью деревни Горенду, но сами папуасы используют название Гарагаси для уточнения местоположения.

Эта картина отнюдь не оставалась неизменной со времен Маклая. Уже в период немецкой администрации, с конца XIX в., население стало концентрироваться в деревне Бонгу, поскольку земли использовались под плантации. Об этом рассказывали участникам советской экспедиции, помнят об этом и наши собеседники. «Люди Горенду переселились в Бонгу, потому что их земли были отобраны под плантации» (Крюков 1975: 190). «Люди Горендук² и Гумбу переселились в Бонгу, когда пришли немцы и разбили плантации кокосов <...> В 1997 г. старейшина рода Гасом Каму переселился на то место, где Горендук находилась во время приезда Маклая <...> Скоро весь Горендук переедет на свои земли. Когда вы приедете в следующий раз, деревню будет не узнать» (Туторский 2014: 170). По наблюдению А. В. Туторского (2014), в 2010 г. еще «большая часть вемуна Горенду проживает в деревне Бонгу». Наша же экспедиция застала под именем Горенду достаточно большую деревню с населением около пятисот человек, расположенную от Бонгу примерно в полутора километрах. Таким образом, прямо сейчас происходит возвращение населения в границы прежних поселений, расположение которых осталось в памяти людей с последней трети XIX в. Как представляется, это оказалось возможным, поскольку сохранение топонимики и локаций населенных пунктов находится во взаимосвязи с сохранением основных элементов социальной структуры. Уже из приведенного текста очевидно, что когда речь идет о «людях Горенду», в первую очередь подразумевается некая социальная группа.

Участники советской экспедиции столкнулись с мультитерминологией в отношении этой группы и с определенными трудностями (как в связи с этим фактом, так и при определении ее характеристик). «Пока ясно одно: люди Горенду — это родственная группа, которая занимает часть деревни [Бонгу. — А. Л.], <...> совершенно очевидно, что термин семья (*family*), употребляемый Кака-

¹ Экспедиция была организована фондом сохранения этнокультурного наследия им. Миклухо-Маклая. Состав: руководитель — генеральный директор фонда, потомок по боковой линии и полный тезка Н. Н. Миклухо-Маклая; этнографы А. А. Лебедева (МАЭ РАН) и И. В. Чининов (ИЭА РАН); фотограф Д. Н. Шаромов. Автор выражает особую благодарность миссионеру С. В. Цергелю, оказавшему экспедиции большую помощь на месте.

² Вариант звучания топонима.

лем, лишь приблизительно соответствует сущности этой родственной группы» (Крюков 1975: 191). «Начиная собирать эти сведения, мы <...> употребляли термин к л а н» (Бутинов 1975: 169); «мы стали искать местный термин, обозначающий эти группы населения, и скоро нашли его — *вемун*» (Там же: 168).

В результате Н. А. Бутинов выделяет следующие основные характеристики вемуна. «Это не род и не просто группа семей. Это часть общины (деревни), состоящая структурно из трех частей: 1) постоянное мужское ядро, основа вемуна; 2) незамужние сестры мужчин, временная часть вемуна; 3) жены мужчин, пришлая часть вемуна. Вемун имеет такие важные функции, как совместный труд, коллективная собственность, взаимная помощь» (Бутинов 1975: 184).

Мои собеседники первоначально также использовали слово семья (*family*). Из контекста стало ясно, что речь не о малой семье, а обо всех людях, носящих фамилию Туй, являющихся (или считающих себя) потомками Туя — первого папуаса, встреченного Н. Н. Миклухо-Маклаем в 1871 г., и проживающих ныне в деревне Горенду. Нашими собеседниками также был воспринят — именно по отношению к данной группе — термин клан (*clan*), предложенный сотрудником Института этнологии и антропологии РАН И. В. Чининовым. В Горенду неоднократно приходилось слышать формулу «одна деревня — один клан». Эта формула, однако, справедлива именно для Горенду. В Бонгу мне были показаны *барумы* — сигнальные щелевые барабаны — и сказано, что каждый клан имеет свой барум, на котором и написано название клана (например «*badaibi tamo*» — люди Бадаиби), а всего в Бонгу их шесть (см. вклейку рис. 32). Эта информация косвенно отражает тот факт, что в Бонгу были переселены жители окрестных деревень, а также подтверждает существование достаточно крупных социальных образований, одно из которых в настоящий момент составляют жители Горенду.

Термин *вемун* по отношению к данному образованию зафиксировать не удалось, несмотря даже на «запрещенный прием» — напрямую был задан вопрос, известно ли такое слово и что оно значит. Тем не менее для того, чтобы говорить о утрате этого термина, материала недостаточно. В содержательном отношении признаки той группы, которую будем называть клан, поразительно совпадают с основными характеристиками бутиновского вемуна.

Клан — большая группа родственников, ведущих (считающих) свое происхождение от одного мужского предка. Клан экзогамен и патрилокален, т. е. состоит из мужчин (постоянная основа клана), их жен и сестер, но сейчас возможны некоторые отступления от этих традиционных норм.³ Клан выступает коллективным собственником земель, совещательным образом распределяя их между отдельными (малыми) семьями. При их наименовании папуасы в беседе могли использовать термин «*nuclear*», подтверждая, что они состоят из супружеской пары и детей. Семьи в основном многодетны, двое-трое — норма у молодых женщин, папуаски говорили о пяти и даже восьми детях. Пожилые родители тоже могут жить с детьми, помогая нянчить внуков, хотя число людей в возрасте невелико. Тяжелые условия жизни, эпидемии малярии и сегодня продолжают быть причиной ранней смертности. Изменение размеров семей (в случае выхода женщины замуж в другую деревню (клан), смерти или рождения члена клана) может спровоцировать передел земли, положенной малой семье. Внутри клана сохраняются функции взаимопомощи и совместного труда при выполнении работ, требующих коллективных усилий, например, сооружения плотины для отведения воды на поля. При помощи отдельному члену сообщества (в строительстве дома или расчистке участка) нормативной платой со стороны последнего является организация коллективного угощения.

³ Сведения из интервью, которое было взято в семье, где жена является местной, а муж — уроженец округа Сепик, т. е. брак матрилокален. Субъектом собственности (земли) в этом случае является женщина и ее дети.

Сохранение права землевладения и порядка землепользования как одной из основных функций рассмотренного института находится в тесной взаимосвязи с поддержанием традиционного уклада жизни. Налаженного снабжения побережья товарами и продуктами нет, и, хотя в повседневной жизни жители носят изготовленную промышленным способом одежду и используют современную утварь, все это они сами привозят из Маданга. Домашний быт не модернизирован: электричество, водопровод, канализация здесь отсутствуют. Папуаски готовят на огне, топливом служит хворост или наружная волокнистая оболочка кокосового ореха. Воду женщины носят из ручьев, расположенных неподалеку от Горенду, в этих же ручьях моют посуду, стирают одежду и моются сами. Источники освещения в темное время — костры, а электрические фонарики используют ситуативно.

Отличия от описанного и зарисованного Миклухо-Маклаем (1993: 43) можно увидеть в структуре поселений и конструкции жилищ. Вместо хижин с двускатной крышей, доходящей практически до земли, теперь возводят свайные конструкции — их появление датируется уже рубежом XIX и XX вв. (Басилов 1975: 114). При строительстве по-прежнему используют натуральные материалы: каркас и конструкция крыши из дерева, перегородки внутри жилища из расщепленного бамбука, крыши покрыты листьями саговой пальмы. Единственное исключение составляют куски линолеума, которым иногда покрывают полы. Срок службы такого жилища невелик — шесть-семь лет. неподалеку от жилых располагаются хозяйственные постройки в виде навесов или хижин меньшего размера, где хранят утварь. Строения больше не образуют групп или окружностей с площадками в центре; хижины находятся на некотором удалении друг от друга и разделены открытым пространством или небольшими лесными участками. На этих участках подсечно-огневым методом расчищены площадки под огороды. Такие огороды относительно невелики, находятся в семейном владении и служат для оперативного снабжения продуктами.

Другие, гораздо более значительные по площади, плантации расположены в горах. Рубка, корчевание и сжигание деревьев — мужской труд, физически тяжелый, но sporadический. Посадки и рутинная забота об урожае — на плечах женщин, эта работа также требует сил и выносливости. Один только поход на вершину горы и обратно (спускаться по узкой, крутой и обрывистой тропе ничуть не легче, чем карабкаться вверх) при высокой температуре и влажности воздуха для неподготовленного «белого» человека — настоящее испытание на выносливость. А ведь женщины носят инструменты и плоды и часами работают внаклонку на солнцепеке. Орудия все еще остаются ручными, хотя и несколько обновились: кол для вскапывания земли, который еще застали советские этнографы, сменился небольшой лопаткой, используется также и мотыга. Ассортимент выращиваемых культур довольно ограничен: автохтонные клубнеплоды (таро, ямс) дополнены бататом; со времени Миклухо-Маклая, привезшего сюда кукурузу и арбуз, папуасы выращивают *гугруз* и *абрус*, также можно увидеть тыкву, а из непищевых растений — табак. Таким образом, подсечно-огневое земледелие — по-прежнему основное хозяйственное занятие папуасов.

Фруктовые культуры: кокосовая пальма, папайя, банан — также растут в некотором отдалении от хижин, на лесистых участках или у подножия горы. Они могут находиться в общественной собственности, как, например, рощицы саговых или кокосовых пальм.

Что касается животноводства, которое пыталась развивать австралийская колониальная администрация, то оно пришло в упадок. Д. Д. Тумаркин пишет о стаде коров в 12 голов, являвшемся коллективной собственностью жителей Бонгу (1975: 101). Отсутствие достаточных выпасных площадей, культурных навыков по уходу за крупным рогатым скотом, возможностей мясопереработки и хранения, несомненно, свели на нет эту отрасль, как только она перестала поддерживаться искусственно. Препятствием к разведению свиней (представляющих для папуасов большую ценность)

является недостаток продуктов для откорма. Сколько-нибудь стабильный источник животного белка представлен в рационе папуасов только куриным мясом (жители держат небольшое количество кур, которые обычно свободно разгуливают по деревне).

Охота и рыбная ловля продолжают играть определенную роль в системе жизнеобеспечения. Основные объекты охоты — дикие свиньи, казуары и мелкие млекопитающие, например бандикуты. На них ставят ловушки с приманкой, сделанные из веревочной петли и небольшого согнутого дерева, а крупную дичь бьют копьями или подстреливают из лука. Копья теперь делают с железным наконечником, а лук и стрелы с разнообразными наконечниками из дерева и бамбука практически аналогичны предметам из маклаевской коллекции XIX в. (лук *араль* МАЭ № 168-45, стрелы 168-46, 47, 48). Стрела № 168-46 с листовидным наконечником из бамбука была названа *палама* (у Миклухо-Маклая *палом* в тексте (1993: 41) и *паламь* в каталоге (опись коллекции № 168 Т. 2).⁴

Рыбалка также производится традиционными методами. Днем ловят с помощью небольшого удилища и лесы, используя в качестве наживки мелких рачков, собранных в мокром песке, по ночам рыбу лучат — правда, сегодня не с факелом и даже не с керосиновым фонарем, а с электрическим фонариком. На ловлю выходят на небольших весельных каноэ с аутригером.

Сохранение традиционных форм охотничьего оружия и каноэ можно объяснить высокой стоимостью современных вещей: огнестрельного оружия (вкуче с лицензией), моторных лодок и топлива для них. Бытование традиционного водного транспорта парадоксальным образом происходит еще и из того факта, что папуасы по сравнению с их австронезийскими соседями были менее искусными мореходами и корабелями. Производство их гребных каноэ не является столь трудоемким занятием, как это было, например, в Микронезии. Более того, значимая роль мореплавания в культуре и экономике этого региона поставила эту отрасль под удар колониальных властей, стремившихся прервать традиционные связи, вытеснивших основное для них средство сообщения; пароходы и моторные суда обеспечивали в первую очередь нужды администрации.

Более близкий пример — судьба мореплавания у населения острова Били-Били, ближайших соседей папуасов Берега Маклая и их партнеров по меновой торговле. В этой австронезийской культуре мореплавание было развито значительно лучше. Основным занятием была прибрежная торговля глиняными горшками, производившимися на острове. Его свободолюбивые жители подняли в 1904 г. восстание против немецкой колониальной власти, вследствие чего были насильственно переселены на побережье о. Новая Гвинея и вынуждены адаптироваться к оседлой жизни. Поселение Били-Били до сих пор находится в нескольких километрах от Маданга; его жители сохранили навыки производства глиняной посуды, частично видоизменив ее в угоду туристическому спросу (May, Tuckson 2000), но их замечательные *ванги*, описанные и зарисованные Н. Н. Миклухо-Маклаем (МАЭ И 2085-4), уже давно перестали быть частью культуры. Во многих частях Океании сегодня возрождают традиционное мореплавание и судостроение, однако тот факт, что их приходится возрождать, указывает на фактическую утрату этих навыков. В Били-Били несколько лет назад также было построено традиционное каноэ для фестиваля, но поскольку мореплавание уже исключено из хозяйственной деятельности, сейчас это каноэ догнивает на берегу. Для повседневных нужд бывшие мореходы сегодня используют точь-в-точь такие же лодочки, как и их соседи-папуасы (ПИМА 2017). Относительная легкость и быстрота производства маленьких каноэ, непригодных для дальних плаваний, скромная их роль в культуре и поэтому отсутствие «опасности» для чиновников способствовали сохранению этих форм.

⁴ Здесь и далее местные названия предметов коллекции МАЭ № 168 приводятся по: Опись коллекции № 168 Т. 2; Миклухо-Маклай 1993.

Тем не менее изготовление и таких лодок требует определенных умений, и этим занимаются специальные мастера, которых немного. Мне говорили о двух-трех корабелях на всем участке побережья, но, к сожалению, личного общения ни с одним из них не состоялось. Каноэ делается на заказ, на работу уходит около трех недель. Корпус каноэ, выдолбленный из одного ствола, имеет в длину порядка четырех метров, аутригер — небольшое бревно с заостренными концами — вынесен на трех шестах, один из которых смещен в нос, а два в корму. На кормовые над корпусом настилается небольшая платформа для сидения; еще один шест, параллельный корпусу, уложен поверх выносных шестов аутригера, соединение их с поплавком — т. н. перекрещенное внизу, т. е. при помощи пары скрещенных под ними колышков (Лебедева 2013: 165). Детали аутригера сейчас приматывают друг к другу ротангом, веревками или тряпочными лентами. Хранят их прямо на берегу, при следовании, например, из Горенду в Бонгу то и дело попадаются стоящие у самой тропы лодочки, иногда сразу по несколько штук, окрашенные в яркие цвета — желтый, зеленый, голубой (см. вклейку рис. 33).

Кроме лодок и оружия даже при непродолжительном визуальном знакомстве с культурой стало очевидно бытование у населения Берега Маклая и других традиционных предметов. Некоторые из них сопоставимы с собранными или зарисованными Н. Н. Миклухо-Маклаем в 1870-е гг. Так, путешественник отмечает, что папуасы неразлучны со своими сумочками (Миклухо-Маклай 1993: 42; 168-8). Эта привязанность сохраняется и по сей день, хотя их производство довольно трудоемкое. Сумочка *кун* (в описи коллекции «*гун*») висит на груди или на плече почти у каждого мужчины; женщины тоже могут носить сумку на плече, а при переноске тяжестей, например, канистр с водой из ручья, лямку накидывают на лоб. Плетение, а точнее вязание этих сумочек — сугубо женское дело, и в сфере женской культуры оно выполняет ту же роль, что и любое рукоделие — позволяет занять руки и не терять времени даром при общении.

Часть изделий сейчас вяжут из синтетической лески, что значительно ускоряет процесс; есть и мастерицы, которые не ленятся сами изготавливать материал. Тонкие нити делают из волокон коры манго: две небольшие пряжи сначала по отдельности крутят ладонью на бедре в одну сторону, а затем резким движением придают им обратное вращение, скручивая вместе. Затем нити окрашивают, как правило, в ярко-малиновый, темно-фиолетовый и черный цвета; в готовом изделии рисунок представляет собой чередование малиновых и неокрашенных квадратов, по светлому фону расположены черные зигзаги. Леску предпочитают использовать ярких цветов — красного, оранжевого, желтого, зеленого, — чередуя разноцветные квадраты или полосы. Иногда вся сумочка белая с черными ступенчатыми зигзагами, этот вариант орнамента ближе всего к традиционному. При вязании используется неострая игла, техника напоминает вязание крючком — петли порядно присоединяют друг к другу, особым образом скручивая (см. вклейку рис. 34–35).

Не изменили свой облик и глиняные горшки *вабы* (168-28), которые папуасы Берега Маклая по сей день покупают у жителей Били-Били. Деревянные блюда *табиры* сохранили свое название, но больше по размеру и богаче декорированы резьбой (геометрический и зооморфный орнамент) по сравнению со старыми маклаевскими предметами (168-29 (4)). Их происхождение (предположительно — с островов Сиасси) у информантки выяснить не удалось, она знала только, что они остались от отца. Ни те, ни другие сейчас не используются в качестве повседневной утвари, но ценятся папуасами, традиционно являясь объектами (ранее меновой) торговли. Табиры наряду со свиньями могут служить выкупом за невесту, а также фигурируют в отдельных свадебных обрядах: жених поднимает перевернутый вверх дном табир над головой невесты, что, несмотря на наличие церковной церемонии, фактически и означает заключение брака.

Узнаваемыми остаются многие элементы традиционного костюма. Ситуации, при которых в него облачаются, теперь являются частью праздничной культуры, и им сопутствует исполнение *синг-синг* — монотонное пение повторяющейся музыкальной фразы. В костюме входят мужские украшения *буль-ра* (168-5), *губо-губо* (И 2085-40), мужской пояс из тапы *маль* (168-21), плетеный браслет *сагю* (168-17), который носят представители обоих полов, женская юбка (168-22), изготавливаемая из волокон коры манго. В описи ее название *нангели-маль* (от «нангели» — ‘женщина’ (Миклухо-Маклай 1993: 123), но в текстах исправлено на *най* (Миклухо-Маклай 1993: 86) — именно этот термин сейчас в употреблении. Сопровождают исполнение *синг-синг* ударами в ручной барабан *окам* (168-55).

Изготовление перечисленных здесь аксессуаров продолжается также и в наши дни (см. вклейку рис. 36–37). Все они по внешнему облику и функции аналогичны коллекционным предметам МАЭ РАН, сохраняются и их названия на местном диалекте.⁵

Ретроспективно отследить судьбу ушедших из культуры или видоизменившихся артефактов помогла демонстрация изображений предметов и рисунков из коллекций МАЭ РАН при интервью с местными жителями.⁶ Вышли из употребления в первую очередь утварь и некоторые орудия, что легко объяснимо распространением вполне доступных сейчас изделий из металла и пластика. Так, не используется в качестве посуды кокосовая скорлупа *гамба*, хотя, разумеется, чашечку из этого материала (168-31) сразу узнали. Обычные столовые приборы заменили костяные предметы: нож-ложку (168-15, у Миклухо-Маклая *шелюпа*), наконечник-вилку (168-14, *гасен*) и вырезанную из кости казуара лопаточку для извести (168-11b). Два первых предмета папуасы назвали просто ножами, назначение лопаточки вкупе с контейнером для извести из бамбука (168-11a) было определено верно (для приготовления смеси при жевании бетеля), дополнительно было высказано предположение, что эти предметы служат для измельчения пищи, если у человека нет зубов. Сейчас еще встречаются ножи (колющие орудия), сделанные из трубчатой кости казуара, но они значительно крупнее и сделаны грубее, чем ножи из этого же материала, именуемые у Миклухо-Маклая *донган* (168-13 (3)); сам этот термин зафиксирован также не был.

Узнанными оказались также музыкальный инструмент — погремушка из скорлупок *Pangium edule* (168-57, *орлан-ай* у Миклухо-Маклая, или *гоглайн* (ПМА 2017) — и мужское украшение (168-6, *сюаль-боро*) — имитация украшения из кабаньих клыков (168-5), выточенная из раковины. Информанты затруднялись с точным определением того периода, когда данные предметы вышли из обихода, ссылаясь на первое-второе восходящие поколения; в случае с украшением, вероятно, название было утрачено с предметом, т. к. папуасы называли его также *буль-ра*.

Вещей, предназначение которых было не узнано или определено ошибочно, оказалось немного. Особое недоумение вызвали якорь из камней и веток (168-61) и подголовник (168-62). Сейчас используются современные якоря из металла, предметами же, употреблявшимися ранее в качестве подголовника, были названы отрезок ствола дерева или плоский камень.

⁵ Автор использовал словарь Н. Н. Миклухо-Маклая (1993: 123–126). Вообще в вопросе совпадения/несовпадения наименования необходимо учитывать несколько факторов. Сложности начинаются уже на уровне фиксации. Миклухо-Маклаю было трудно записывать звуки незнакомого языка известными ему алфавитами: «Записывание слов <...> представляло большие трудности. Я убедился, что некоторые звуки <...> я решительно не могу воспроизвести» (Миклухо-Маклай 1993: 63). Возможно, поэтому некоторые предметы остались не названы. Запись лексического материала осложняется несоответствием фонетических единиц изучаемого языка известным исследователю графическим средствам. Распространение английского языка и формирование тописина также оказало свое влияние. Так, *окам* также именуют *кунду* (ток-писин), а ямс предпочитают называть *уат* (англ.), хотя еще помнят слово *бау*. Утрата названия может происходить параллельно с утратой самого объекта.

⁶ Папуасы проявили к этому живой интерес — беседа начиналась с несколькими пожилыми женщинами, но очень скоро нас окружила довольно многочисленная группа, в которой было много молодых людей. Представляется, что, несмотря на полтора столетия, прошедшие с момента сбора этих вещей, для папуасов это не «ожившая старина», а образ их настоящего, поскольку жители Берега Маклая больше всего реагировали именно на узнаваемые музейные вещи — те, которые они и сейчас видят вокруг себя.

Духовой музыкальный инструмент из тыквы (168-58, *холь-ай*, или *шоль-ай* у Миклухо-Маклая) называли *сомбиль* и идентифицировали его как некий шейкер для смешивания продуктов при приготовлении пищи. Любопытно, что еще в 1971 г. было зафиксировано употребление слова *сомбиль* также для обозначения предмета утвари — песта (Басилов 1975: 145). Свистульку из скорлупы кокосового ореха (168-59) идентифицировали в качестве музыкального инструмента, но сказали, что подобных не изготавливают. Папуасы называли ее дословно *мунги-гамба* (кокосовая скорлупа); у Миклухо-Маклая предмет называется *мунки-ай*, где *мунки* — ‘кокос’, а подобное окончание — общее для названия всех музыкальных инструментов, означающее их использование на празднествах «ай» (Миклухо-Маклай 1993: 75). Утрата этих музыкальных инструментов, вероятно, связана с исчезновением самого этого действия, в отличие от публичных танцев *синг-синг*, где фигурирует, например, *окам*. Точно так же сохранению упоминавшихся *барумов* и духовых инструментов из раковин вида *Charonia tritonis* (предметы отсутствуют в коллекции, но упоминаются в текстах (Миклухо-Маклай 1993: 78) способствует то, что они продолжают функционировать как сигнальные инструменты.

Отдельно можно выделить предметы, облик и роль которых трансформировались. В маклаевской коллекции мы находим десять однотипных предметов (168-36 (10), описанных в каталоге 1886 г. как «связка деревянных аппаратов, употребляемых при операции “мулум (обрезании)”»; о характере использования здесь не упоминается. Это так называемые гуделки (Миклухо-Маклай 1999: 29–30), или вращательные дощечки — данный термин для этого типа предметов возник из-за того, что их вращали за бечеву в одной плоскости, и они, имея уплощенную форму и заостренные кромки, издавали при этом характерный дребезжащий звук. Дощечки плоские и тонкие, сужающиеся к кромкам, один их конец заострен, а второй, по-видимому, имеет фаллическую символику. Данные предметы происходят не из папуасских деревень, а из Били-Били; обряды инициации, впрочем, были общими для обеих культур. Относительно папуасского населения в тексте отмечено лишь, что «обрезание совершается <...> вне деревни в лесу, острым осколком кремня» (Миклухо-Маклай 1993: 58).

Обряды инициации до сих пор проводятся папуасами Берега Маклая. Группу юношей 16-17 лет поселяют в лесу, в отдалении от деревни, где они проводят около месяца под присмотром старших мужчин. Подробностей мне, в силу гендерной принадлежности, сообщать не стали, но сам факт сохранения института инициации, несмотря на длительную миссионерскую деятельность, представляется немаловажным. Несомненно, впрочем, и то, что обряд претерпел ряд изменений; одним из показателей этого как раз и являются упомянутые дощечки.

Обязательными атрибутами во время обряда инициации являются такие элементы мужского костюма, как гребень, украшающий волосы надо лбом, и красно-черно-белые дощечки *лён-лён*, вставляющиеся под браслеты *сагю*. В этих дощечках узнаваемо «проглядывают» гуделки. Орнамент на предметах по-прежнему выполнен в контрастной красно-черно-белой гамме: на основной красный фон нанесен врезной и окрашенный белым и черным геометрический рисунок. При этом, в зависимости от возраста предмета, определяемого визуально (потертости, сохранность красочного слоя), видна эволюция от традиционных форм и орнаментики (цепочки кружков, зигзаги) к более вольным. Сделанные совсем недавно — более разнообразны, их вырезают не только в виде дощечек, но и сложных конфигураций, напоминающих дву- и трезубцы; приобретают замысловатые очертания их оконечности — стреловидные, закругленные, фестончатые; не заострены больше кромки дощечек. Внешние изменения — закономерное следствие функциональных: из обрядовой сферы дощечки перекочевали в празднично-ритуальную. Десакрализация (их уже не прячут от

взгляда непосвященных) привела к тому, что их функция стала сугубо декоративной (см. вклейку рис. 38–40).

* * *

Традиционный костюм, дощечки, инициация — это то, что самими папуасами позиционируется как проявление этничности, сохранение культурной идентичности — и сегодня это как бы выносится за скобки бытовой, рутинной сферы. Обратной стороной здесь является тенденция вынесения этничности на рынок (и папуасы Берега Маклая в этом отношении не одиноки). Непосредственно на месте самый простой и распространенный способ заработать — это демонстрация *синг-сингов* немногочисленным «белым» визитерам Берега. В масштабах Папуа-Новой Гвинеи или отдельных провинций популярность приобретают праздники, посвященные тем или иным культурным традициям, этнофестивали. Один из крупнейших проводится в Гороке; во время пребывания в Порт-Морсби мы застали последний день тамошнего фестиваля, на котором представители различных провинций демонстрировали традиционные костюмы, ремесла, фольклорные произведения; выше упоминался фестиваль канэ.

Складывается впечатление, что для современных жителей Берега Маклая где-то в этом ряду находится имя Н. Н. Миклухо-Маклая и его роль в истории побережья. Это специфическая часть именно их прошлого, создающая связь Берега Маклая еще и с западной культурой, что может быть использовано. Этим можно объяснить то, что они сразу же поняли и приняли «правила игры», предложенные руководителем экспедиции. Общение между ним и папуасами с самого начала было выстроено с определенным пафосом, происходящим от придания гипертрофированной значимости факту встречи потомков Маклая и Туя. Многочисленные публичные встречи с жителями деревень сопровождались звучащими с обеих сторон торжественными речами, уверениями во взаимном уважении. На этом официальном уровне традиционные лидеры в ответ на спрос, очень точно оцененный ими как «память о Маклае, почтение к Маклаю», сформировали сегмент соответствующих предложений. Так, на одной из таких встреч Н. Н. Миклухо-Маклая-младшего облачали в мужской инициационный костюм, уверяя, что они принадлежали самому Тую. Рассказчиков не смутил ни новый вид, ни современная символика на предметах, ни присутствие этнографов. Другим примером может служить рассказанное нам старейшиной Ябуем⁷ «предание» о Маклае:

Маклая вела звезда. Она вела его из самой России. Он следовал за ней на корабле. Когда корабль подошел к берегу Новой Гвинеи, звезда остановилась. Маклай не знал, что делать. Было темно, и он не мог видеть узкого пролива, ведущего сюда. Но с рассветом Маклай увидел пролив и понял, что достиг цели.

Представляется, что данный текст вполне мог быть экспромтом; в любом случае, он не попадает ни в одну из категорий, зафиксированных А. В. Титорским (2014), специально занимавшимся данной тематикой. Таким образом, этот текст не может рассматриваться как продукт мифотворчества в чистом виде, он не имеет ни исторической, ни легендарной связи с пребыванием здесь Н. Н. Миклухо-Маклая, а напротив, отсылает слушателя к «негвинейским» или «догвинейским» событиям. Подобная подача (в русле фаталистической неизбежности) появления исследователя на Новой Гвинее призвана, как кажется, подчеркнуть связь времен и неслучайность данного хода истории.

⁷ Этот человек — инвалид с рождения, у него атрофирована левая часть туловища. Как это нередко бывает в традиционных культурах, физическая ущербность и следующая из нее невозможность профанной биографии привели к тому, что Ябуей стал хранителем традиций и преданий. Кроме того, он — один из тех, кто изготавливает аксессуары мужского костюма.

Приведенные примеры — следствия сложившейся ситуации, которая во многом проистекает из-за дисбаланса между внешним и внутренним, ожиданиями и действительностью. В более широком смысле ее можно рассматривать как пережиток карго-культов. Представления о том, что блага исходят от белых, вели к той или иной поведенческой и ритуальной модели с целью перенаправить на себя; эти воззрения и сами культы со временем неоднократно трансформировались (Lawrence 1971). К концу XX — началу XXI в. религиозная составляющая идет на спад, уступая место сугубо прагматической. Применительно к этому периоду используют термин «каргоизм», подразумевая целый комплекс социально-экономических явлений и поведенческих практик, основанных на «наивной рыночной экономике» (Sullivan 2005). Неудивительно, что сегодня один из способов получения благ видится в продаже (предоставлении) того, что востребовано у представителей западного мира.

Подобная стратегия во многом является вынужденной вследствие почти закрытого характера экономики, отсутствия бытовых коммуникаций и снабжения, минимальной социальной инфраструктуры. На Берегу есть небольшой госпиталь и несколько школ — две начальных (elementary), куда идут с восьми лет, и средняя (primary). Следующий этап обучения уже затруднен, т. к. высшая школа (secondary) находится в 30 милях к востоку. Учебные заведения также предоставляют рабочие места, но очевидно, что они единичны. Другой источник заработка для населения — это по-прежнему добыча копры. Возможность продолжать образование затруднена необходимостью материальной поддержки. Некоторая часть молодежи (по словам информантов, около 20%) уезжает в Маданг и поступает в колледж, где получает специальность, например, юриста. Но лишь единицы из уехавших могут найти работу и остаться в городе. Семейная земля между тем кажется стабильным и понятным источником существования, но она требует рабочих рук. Образуется своего рода замкнутый круг, который и поддерживается двумя встречными комплексами причин: отсутствием поддержки со стороны властей и невольной инертностью самих жителей.

Но это уже не те люди, которые испытали ужас при виде загоревшегося спирта; теперь «картина мира» в нашем сознании и в сознании папуасов различается несущественно. Они видят, что изменения в бытовой сфере их жизни объективно невелики по сравнению с доконтактным периодом. Тяжелый труд, некомфортный быт и постоянная эпидемиологическая угроза кажутся особенно несправедливыми, если знать, что в нескольких десятках километров жизнь совсем другая... В данной точке локализован некий конфликт культуры с самой собой, и эти процессы характеризуют ее текущее состояние.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Басилов В. Н. Материальная культура бонгуанцев // На Берегу Маклая. Этнографические очерки. М.: Наука, 1975. С. 110–164.

Бутинов Н. А. Вемуны в деревне Бонгу // На Берегу Маклая. Этнографические очерки. М.: Наука, 1975. С. 165–184.

Коллекция МАЭ РАН № 168. Предметы быта и культуры.

Коллекция МАЭ РАН И-2085. Рисунки Н. Н. Миклухо-Маклая.

Крюков М. В. Можно ли заглянуть вглубь истории Бонгу? (Очерк системы родства) // На Берегу Маклая. Этнографические очерки. М.: Наука, 1975. С. 185–203.

Лебедева А. А. Мореходное искусство народов Микронезии. СПб.: Наука, 2013. 172 с.

Миклухо-Маклай Н. Н. Собрание сочинений: в 6 т. М.: Наука, 1993. Т. 3. 416 с.; 1999. Т. 6. 688 с.

Опись коллекции № 168, Т. 2 «Каталог этнографических предметов, вывезенных с островов Тихого океана Н. Н. Миклухо-Маклаем во время путешествий от 1879 до 1885 г. Передано в дар 13 декабря 1886 г.».

Полевые материалы автора (ПМА), Папуа-Новая Гвинея, округ Маданг, д. Горенду, Бонгу, сентябрь 2017 г.

Тумаркин Д. Д. Хозяйство папуасов Бонгу // На Берегу Маклая. Этнографические очерки. М.: Наука, 1975. С. 165–184.

Тугорский А. В. Предания о Н. Н. Миклухо-Маклае в культуре жителей Берега Маклая // Старое и новое в изучении этнографического наследия Н. Н. Миклухо-Маклая. СПб.: МАЭ РАН, 2014. С. 157–192.

Lawrence P. Road Belong Cargo: a Study of the Cargo Movement in the Southern Madang District, New Guinea. Illinois: Waveland Press, 1971. 293 p.

May P., Tuckson M. The Traditional Pottery of Papua New Guinea. Honolulu: University of Hawaii Press, 2000. 392 p.

Sullivan N. Cargo and Condescension // Contemporary PNG studies. Madang. 2005. Vol. 3. P. 1–13.

ON THE CONTEMPORARY CULTURE OF MACLAY COAST PAPUANS (SOCIETY, ECONOMY, CULTURAL ITEMS, SELF-REPRESENTATION)

ABSTRACT. The paper is devoted to the modern culture of the Papuans of Maclay Coast, first described in detail by N. N. Mikhlouho-Maclay in the 1870–1880s. Though one hundred and fifty years have passed since then, the region still remains quite a reserved place, lacking communications and infrastructure. The economic basis and social model preserve ethnically specific features. It is obvious, on the other hand, that some aspects and objects have changed, others have been transformed or disappeared. In this respect special attention is paid to the comparative characteristics of items of the early collection by Mikhlouho-Maclay (MAE RAS № 168) and contemporary objects of Papuans. Interestingly, some of the changes have an irreversible rather than cyclical character: the culture, having been deformed by force during the years of colonial history, is now returning to its traditional pattern. The author aims to analyze the causes of these changes, as well as to understand, how the Papuans define the place of their culture in the present-day world.

KEYWORDS: Maclay Coast, traditional culture of Papuans, museum's collections

ARINA A. LEBEDEVA — Candidate of Historical Sciences, Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography (Kunstkamera) of the Russian Academy of Sciences (Russia, Saint Petersburg)

E-mail: Sheremet@kunstkamera.ru